СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1983

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА, Р. М. БИРЮКОВИЧ

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО СИНТАКСИСА В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

Для тюркских языков во все периоды их исторического развития была характерна структура присоединенных простых предложений, семантические отношения или зависимости между которыми выражались только посредством их примыкания друг к другу.

Самый ранний этап в историческом развитии тюркского предложения, очевидно, отличался абсолютным преобладанием простого предложения. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников отдельных тюркских языков, сохранивший структуру нанизываемых один за другим простых предложений, которые выражали не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Длинная цепь предложений, непосредственно отражающая ход описываемых событий в наиболее упрощенной грамматической форме, была характерна для языка ранних памятников древнетюркской письменности, памятников Монголии и Киргизии. Встречается она также и в современных тюркских языках (в фольклорном, а также других жанрах) наряду со сложными предложениями союзного типа[1].

Наиболее яркие примеры бессоюзного соединения предложений представлены в чулымско-тюркском языке, сохранившем структурный тип синтаксических связей, характерных для древнейшего периода.

Важной особенностью чулымско-тюркского синтаксиса является широкое использование примыкания как универсального средства выражения целого ряда синтаксических отношений.

В чулымско-тюркском языке примыкание, для которого не характерны какие-либо формальные показатели, многие века выражало фактически любые синтаксические отношения, и до сих пор оно является главным средством выражения сочинения и подчинения. Факты чулымско-тюркского языка позволяют проследить особенности функционирования древнейшего способа обозначения синтаксических связей — примыкания[2].

---

[1] Подробнее об этом см.: *Н. З. Гаджиева.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 207—272.

[2] На настоятельную необходимость изучения сложноподчиненного бессоюзного предложения указывает А. Н. Кононов (см. *А. Н. Кононов.* Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. — В кн.: «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», М., 1967).

Рассмотрим отрывок из фольклора на чулымско-тюркском языке, в котором представлены различные средства, обеспечивающие смысловую и структурную целостность текста при отсутствии специальных внешних средств выражения синтаксических значений.

1) qara qan aq qan per turada čurtaptyrlar. 2) tayylaptyrlar. 3) angzyn parshyn. 4) qonuqqa pergä kejbellär. 5) yrycha pyžyr salyannar. 6) o:lurup či:pterlär. 7) aq qan ajdybyly. 8) čättigipickän. 9) «äpčem pož ämäs qalyan». 10) sa:tyštyrlar. 11) a:žin či:p salyannar. 12) sa:tyštyrlar. 13) qo:nupyshannar. 14) «piske tyyalašarya käräk». 15) ärtän aš e:tep či:pterlär. 16) qara qan čattigipiskän. 17) qara qan: «me:ng äpčim pož ämäs qalyan. 18) se:ng qa:dyng pož ämäs, me:ng qa:dym pož ämäs, tyyalašaq. 19) se:ng ma: me:ng sa: qys polsa perse o:l polsa pergä perektärek». 20) igise dä qynybylar. 21) olar angzyn parshannar. 22) čazlap curturlar.

'1) Черный хан (и) белый хан в одном городе жили. 2) Охотились. 3) Охотясь, ходили. 4) На ночевку вместе возвращаются. 5) Сварили. 6) Сев, едят. 7) Белый хан заговорил. 8) Поперхнулся. 9) «Жена (моя) в положении осталась». 10) Разговаривают. 11) Еду съели. 12) Разговаривают. 13) Готовятся ко сну. 14) «Нам породниться надо». 15) Утром еду приготовив, едят. 16) Черный хан поперхнулся. 17) Черный хан: «Моя жена в положении осталась. 18) Твоя жена в положении, моя жена в положении, давай породнимся. 19) Ты мне, я тебе, если дочь будет, а другой — сын, отдадим». 20) Обоим понравилась (мысль). 21) Они охотятся. 22) Охотясь, (лето) ходят'.

Приведенный текст, организованный как единое смысловое и структурное целое[3], представлен простыми предложениями, как бы нанизанными одно на другое[4] и связанными между собой способом примыкания. Способом примыкания связываются как предложения, так и слова. Примером может служить предложение (1). Сочинительные и подчинительные связи в приведенном тексте не имеют внешних средств выражения, однако предложения образуют смысловое и структурное единство. Предложения, взятые безотносительно друг к другу, не могут свидетельствовать о существующих между ними связях. Эти связи обнаруживаются лишь на уровне сверхфразового единства и контекста[5].

На наличие структурной связи между предложениями в данном отрывке указывают как левосторонние (анафорические, отсылающие к ранее сказанному), так и правосторонние (катафорические, отсылающие к изложению последующих событий) связи.

Показателем катафоры здесь служит рекуррентность ключевых слов и словосочетаний. Например: словосочетания angzyn parshyn 'охотились', či:pterlär 'едят', sa:tyštyrlar 'разговаривают', čattigipiskän 'поперхнулся', pož ämäs qalyan 'осталась в положении', повторяясь, как бы скрепляют текст. Эту же функцию выполняют синонимические замены и перефразы, например: angzyn parshyn=tayylaptyrlar=čazlap čurtur, tyyalašarya käräk=tyyalašaq и др.

---

[3] В данной статье говорится главным образом о структурной целостности текста, вопросы смысловой и коммуникативной целостности практически не затрагиваются.

[4] Бессоюзное соединение предложений, нанизываемых одно на другое, в чулымско-тюркском языке впервые отметил А. П. Дульзон (см. *А. П. Дульзон.* Чулымско-тюркский язык. —В кн.: «Языки народов СССР», ч. II, 1966, стр. 461).

[5] Механизм такого способа синтаксической связи, как примыкание, может быть объяснен, по-видимому, с позиций грамматики. Обширную литературу по данному вопросу см.: *О. И. Москальская.* Грамматика текста. М., 1981.

Существенным фактором, обеспечивающим семантическую и структурную целостность текста в чулымско-тюркском языке, является использование форм способов действия и временных форм (которые в этом языке включают семы соотнесенности с моментом речи и способов действия).

В тексте употреблены различные временные формы в сфере настоящего времени: форма на *-tur*, выражающая активность субъекта, интенсивность действия, и форма на *-yl* (по терминологии А. П. Дульзона на *-byl*), выражающая малую степень активности субъекта. Распределение временных форм в начале текста указывает, что развитие повествования идет слева направо. В первых двух предложениях употреблена форма на *-tur*. В предложении (3) глагол представлен в форме на *-gan*, являющейся единственной формой в сфере прошедшего времени и в связи с этим нейтральной по отношению к способу действия. В предложении (4) указывается уже на меньшую активность субъектов действия, что находит выражение в форме на *-yl*. Предложение (4) имеет непосредственную связь с предложением-партнером[6] (3), но не имеет прямой связи с предложением (5). Предложение (5) связано непосредственно со своим предложением-партнером (6). Связь между ними также имеет направленность слева направо, обусловленную формами способа действия глагола в предложениях (5) и (6). В предложении (5) глагол представлен в форме способа действия, выражающего завершенность и активность производителя действия. В предложении (6) глагол представлен в форме на *-tur*, также свидетельствующей об активности субъекта действия. Связь между предложениями-партнерами (7) и (8) осуществляется формами, выражающими способы глагольного действия. Малая степень активности субъекта, выраженная глагольной формой на *-yl* в предложении (7), прогнозирует форму на *-ys* в предложении (8), выражающую способ глагольного действия со значением ингрессивности[7].

Таким образом, рассматривая весь текст, можно установить отношения линейной последовательности, при рассмотрении которой исследователи исходят из релевантной синтаксической позиции предложения в тексте[8] и связывают позицию предложения с коммуникативным содержанием текста. Для чулымско-тюркского языка, как видно из материала, отношения линейной последовательности теснейшим образом связаны с формой способа действия.

До сих пор говорилось только лишь об отношениях между предложениями-партнерами в пределах целого текста и о способах связи в рамках сверхфразового единства.

При использовании такого способа синтаксической связи, как примыкание, важной проблемой является установление средств подчинительной связи.

Способы выражения синтаксических отношений подчинения в чулымско-тюркском языке, использующем, как правило, примыкание, различны. К ним следует отнести соотношение форм времени и способов действия между предложениями-партнерами. Так, в предложениях (7) и

---

[6] Об этом термине см.: *H. Isenberg*. Texttheorie und Gegenstand der Grammatik. — «Linguistische Studien», H. Berlin, 1974.

[7] Подробнее о способах глагольного действия в чулымско-тюркском языке см.: *Р. М. Бирюкович*. Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке. — «Советская тюркология», 1980, № 1.

[8] *E. Wittmers*. Über das Modell einer allgemeinen Grundstruktur des Textes als Mittel zur Erfassung spezifischer Textgesetzmäßigkeiten, erläutet am Beispiel der Ellipse.— «Textlinguistik I», Dresden, 1970.

(8) средством выражения противительной связи («Белый хан заговорил, но поперхнулся») является использование формы на *-ys* в предложении (8), предсказывающем форму на *-yl* в предложении (7). Форма čattigipiskän не могла бы следовать за формой на *-tur* (ajdyptyr), так как она обозначает действие, активно совершаемое субъектом-агентом.

Предшествование, например, выражено соположением предложений (13) и (14), одно из которых является прямой речью без каких-либо вводных слов. И только местоимение 1-го лица показывает, что предложение (14) передает прямую речь. Вводится же прямая речь в данном случае формой глагольного действия на *-ys* в предложении-партнере (13). Форма на *-ys*, заключающая в себе семы начинание и завершенность (то есть ингрессивность), предполагает ситуацию, при которой коммуниканты произнесли фразу piske tyγalašarγa gäräk 'Нам породниться надо', когда начали засыпать (qo:nupyshannar), то есть перед тем как заснули.

Причинно-следственные отношения выражены средствами лексического повтора, например, в предложении (18). Отношения условия выражены бессоюзным соединением двух простых предложений в одно сложное, при этом показатель условного наклонения *-sa* выступает связующим средством, то есть здесь используется морфологический способ выражения подчинительной связи. Благодаря частице *da*, являющейся средством выражения сочинительной связи, предложение (20) сигнализирует о наличии этой связи между предложениями (21) и (22).

Индикаторами смысловой и структурной межфразовой связи в чулымско-тюркском языке являются широко используемые слова ämdä 'теперь', 'затем', pazaq 'опять', 'снова', azonda 'затем' с временными значениями моментов отсчета времени и предполагающие дальнейшее развитие какого-либо события. Приведем отрывок из фольклорного текста: ämdä to:γus čajyqty ödüp šyqqa:m. to:γus čajyqty šyqtym. ämdä qara:γym körüngän čärge pare:dym. ol payam. ma: toγašqan a:lyp. ämdä ol toγažyp ma: ajthan. me:ne čanarγa ajthan. ämdä čany:bylmän. mastynybylmän. ör be qaš py mastynybylmän. äpke čedebelmän. äpke če:dep kepge:m. äpke kerge:m kemde čoγul. ämdä be:γem ärtep pardy. 'Затем девять болот пройдя, вышла. К показавшейся земле пошла. Так (в том направлении) пошла. Мне повстречалась таёжная волшебница. Повстречавшись, сказала мне. Мне сказала возвращаться. Тогда возвращаюсь. С печалью пою (я). Долго ли, коротко ли с печалью пою. Домой возвращаюсь. Дома достигнув, вошла. Домой вошла — никого нет. Так (и) прожила (свой) век'.

Текстообразующая роль вышеуказанного слова ämdä в этом отрывке видна со всей очевидностью. Кроме того, использованы дейктические элементы: личные и указательные местоимения. Очень четко выражена структурная связь, осуществляемая лексическими повторами и грамматическими средствами анафоры. В рамках приведенного сверхфразового единства наблюдается синтаксический параллелизм, заключающийся в построении цепочки предложений, повторяющих одну и ту же синтаксическую модель.

Очень часто в разговорной речи межфразовые связи, не имеющие внешних средств выражения, основываются на логических отношениях: mamy:zy sa:tyshan qysta:rynang äptä tätä:zi tärzä žanda eskän satty:ryn, ol angnal tämnängän nönä olar satyštyr 'Мать разговаривала со своими дочерьми в доме, (а) отец слушал у окна разговор, (и) пытался понять, о чём они говорили (отношения сочинения и подчинения); män turublum per čas qyrda, körüblüm kičäč o:l tusvara:d'i pusha 'Я стою уже целый час на берегу, вижу, (что) маленький мальчик спускается на лед' (отношение подчинения — выражена объектная связь); pü:n män čorop pa-

ɣam, kör istänge:m 'Сегодня я устал, (так как) много работал' (отношение подчинения — выражена причинная связь); män kälge:m ol sana:n qaɣas. '(Когда) я пришел, он читал книгу' (отношение подчинения — выражена временная связь).

Бессоюзное присоединение простых предложений для выражения различных типов синтаксических отношений характерно не только для фольклорного жанра, но и для современной разговорной речи.

Ниже даются два варианта[9] ответа на вопрос: как готовится хлеб.

1. qartorqa ara qulanaq sa:byl, azonda talɣan pulɣabyl. ara sa:byl, qo:s salɣan, andyn testo ačyp parɣan. ämdä ärtän turup ol testene talɣan sa:p pulɣadym. ändä män a:ny itpäk e:tim. ämdä päčke suɣubylmän. ol itpäk pyš pardy. ol itpäkti pis či:belbis. 'В картошку хмель кладется, затем мука мешается. Вода (во внутрь) вливается (кладется). Ставится (тесто). От этого (всего) тесто скисает. Затем утром встав, в это тесто муку положив, мешаю. После этого из него хлеб делаю. Затем в печку кладу. (Когда) хлеб поспел, мы его едим'.

2. suɣ ur salodym. tus sap salodym.[10] talɣan sa:p ačyt salodym. ärtän tursam, talɣan älgäp qumasla tyq salodym. azonda o:dunga kirep, päč töpläp sodym. pač täpläp salsam pe:že ärtäp parza, kör sa:p itve:gen qatajlap sa:p, päčkä tastap sodym. azonda saslonga a:p salodym. per čas itve:ge čadody, azonda apsalodym. 'Воду наливаю. Соль кладу, муку положив, квашу. Когда утром встану, муку просеяв, делаю хлебцы. Затем дрова принеся, печь растапливаю. Печь растопив, когда печь разгорится, уголь собрав, хлеб раскатав, в печь бросаю. Затем заслонкой закрываю. Один час хлеб лежит. Затем вынимаю'.

И в этих текстах способы выражения межфразовых связей те же: лексические (ämdä 'затем', azonda 'потом', 'затем') и грамматические (форма условного наклонения и формы, выражающие определенные способы действия). Кроме того, примечательна широко распространенная в чулымско-тюркском языке особенность, характерная и для других языков, — употребление деепричастных форм для выражения цепочки последовательных действий в рамках простого предложения. Это положение в следующем примере нашло особенно наглядное проявление: čip sa:dyp a:p, pü paɣlap, qyryq metra paɣlap sa:p, azonda čato:zyn qattap sa:p, uthun a:p so:dybys 'Нитки купив, сеть связав, сорок метров связав, затем верхнюю часть собрав, на веревку надеваем'.

Таким образом, примыкание, по существу универсальное средство выражения различных синтаксических отношений в чулымско-тюркском языке, проявляется в рамках сверхфразового единства. Отсутствие формальных средств, предназначенных для выражения межфразовых связей, восполняется целым набором языковых средств (лексических и морфологических), которые и создают синтаксическую архитектонику текста. Отсюда следует, что примыкание не препятствует осуществлению коммуникативной функции языка и в течение многих веков остается основным синтаксическим средством соединения предложений в чулымско-тюркском языке.

Объединение простых предложений в одно сложное первоначально происходило путем простого примыкания, сочинения предложений. Со-

[9] Первый текст — образец тутальского говора, второй — мелетского говора среднечулымского диалекта.

[10] Текст записан у информанта Татынкиной Насти Дмитриевны (село Пасечное), в речи которой зафиксирован звук *а>о* в формах настоящего времени на *-ady* (saladym>salodym) и в аффиксе множественного числа в форме категории принадлежности (qarandastä:rym>qarandasto:rym).

чиненные предложения в тюркских языках развивались из сложения простых предложений с сохранением их грамматической самостоятельности.

Соединение двух простых предложений в целях выражения подчинительных отношений[11] происходило на базе языковых средств, свойственных тюркским языкам. Развитая система глагольных именных форм в тюркских языках способствовала развитию масдарных, причастных и деепричастных конструкций.[12]

Второе столетие в тюркологической литературе идет спор относительно этих конструкций.

Одна группа тюркологов рассматривает все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции как придаточные предложения только на том основании, что и те и другие имеют одинаковый смысл. Эта точка зрения, имеющая довольно давнюю традицию, основана на чисто логическом подходе к природе тюркских синтаксических явлений.

Другая группа тюркологов относит к придаточным предложениям только конструкции со своим подлежащим.

Достаточное распространение нашла точка зрения, согласно которой решающим критерием при определении придаточного предложения является наличие сказуемого в личной форме. Ее сторонники все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции относят к составу простого предложения, рассматривая их как обороты, выполняющие функцию развернутых членов предложения[13].

Разделяя последнюю точку зрения, обратимся к материалу чулымско-тюркского языка, для синтаксиса которого наряду с обычными простыми предложениями характерны также простые предложения, осложненные причастными конструкциями[14].

Конструкция с формирующим членом на *-gan* выражает объектные, атрибутивные и обстоятельственные отношения.

При выражении объектных отношений используется конструкция, состоящая из причастия на *-gan* с аффиксом винительного падежа и существительного в основном падеже или местоимения в именительном падеже, обозначающего субъект действия: (1) kiži moγalaq täptepeskanni körgen 'Человек видел, как бежал медведь'; me:ng oj tätäm olar satašhanny e:žitkän. 'Мой отчим слышал, как они разговаривали'.

Атрибутивные отношения выражаются конструкцией, состоящей из определения в форме причастия на *-gan* и определяемого, выраженного местоимением в именительном падеже или существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица, обозначающего, субъект действия: (2) pis olar üc kün iste:n moγalaqty atqabys 'Мы застрелили медведя, за которым они охотились три дня', или pis aγà:zy üc kün iste:n moγalaqty atqabys 'Мы застрелили медведя, за которым его отец охотился три дня'.

---

[11] Подробнее об этом см.: *Н. З. Гаджиева.* Указ. раб., стр. 207—237. Согласно другой точке зрения, сложные предложения подчинительного типа образовывались путем усложнения простого предложения на почве развития его отдельной части; см., например: *Э. В. Севортян.* О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., ч. III, 1961, стр. 126.

[12] *Там же,* стр. 128; *В. Г. Гузев.* О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 5, стр. 41.

[13] См.: *Н. А. Баскаков.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 243; (Ср. контраргументы: *А. А. Юлдашев.* Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, стр. 209—210).

[14] Масдарных конструкций в чулымско-тюркском языке нет, поскольку отсутствует такой класс слов, как имя действия. Деепричастные конструкции фактически также не встречаются.

Обстоятельственные отношения могут быть выражены:

а) Причастием на *-gan* с аффиксом дательно-направительного падежа и существительным в основном падеже или местоимением в именительном падеже. В этом случае конструкция выступает в функции обстоятельства причины: oγlannar äptä polγanγa pol čunuqubus 'Так как дети дома, мы пол мыть не будем' (*досл.*: 'Из-за пребывания детей дома мы пол мыть не будем').

б) Причастием на *-gan* с аффиксом местного падежа; способы выражения субъекта те же, что и в конструкциях под пунктом (а): aγam terek polγanda pis e:ben pögünbebes 'Когда отец был жив, мы не заботились о доме'. Выражает данная конструкция временное значение.

в) Причастием на *-gan* с аффиксом родительного падежа и послелога üčün; форма выражения субъекта действия аналогична формам предыдущих конструкций: Ol'ga syqtaptargannyng üčün pis a:ny albuqubus 'Так как Ольга плачет, мы ее не возьмем' (*досл.*: 'Из-за Ольгиного плача мы ее не возьмём').

г) Причастием на *-gan* с аффиксом *-ča/ža;* субъект действия выражается существительным в основном падеже непритяжательного или притяжательного склонения, а также местоимением в именительном падеже: palà:zy äptä alganža iče:ze äptä kör ist:en 'Мать дома много работала, пока сын не женился'. Эта конструкция также выражает временное значение (предел во времени).

Конструкция с формирующим членом на *-iγq* выражает атрибутивные отношения и состоит из причастия будущего времени на *-lγq* и относящегося к нему в качестве определяемого субъекта действия, выраженного местоимением в именительном падеже или существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица: palà:zy čurtγq är aγač arà:zynda turubul 'Дом, в котором будет жить (его) сын, стоит в лесу'.

Конструкция с формирующим членом на *-galaq,* состоящая из причастия еще не совершившегося действия, выражает временную соотнесенность действия с другим действием: qarčarym da ätkälekem ačγ qarynda:žym kälgän 'Не успела я сделать и половины дел, пришел мой двоюродный брат'.

Н. А. Баскаков, анализируя масдарные, причастные и деепричастные конструкции в тюркских языках, показал, что они представляют собой особый тип определительных словосочетаний,[15] с чем нельзя не согласиться. Однако, видимо, отсутствие достаточных и убедительных доказательств этого служит причиной того, что исследователи, вновь обращающиеся к данной проблеме, рассматриваемые конструкции нередко толкуют как придаточные предложения[16].

Разделяя мнение о том, что данные конструкции являются оборотами в рамках простого предложения, представляющими собой определительные словосочетания, попытаемся доказать это.

Ученые, рассматривающие данные конструкции как придаточные, предполагают наличие во включающих их предложениях двух предикаций[17]. Это, возможно, верно на уровне логического анализа, но не на

[15] *Н. А. Баскаков.* Указ. раб., стр. 204—206, 244.

[16] См., например, интересную работу М. И. Черемисиной, появившуюся значительно позже указанной работы Н. А. Баскакова: *М. И. Черемисина.* Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.

[17] В. М. Насилов именует неличные конструкции подобного типа предикативным компонентом подчиненного комплекса в сложном предложении; см. *В. М. Насилов.* Глагольные имена в их развитии в тюркских языках. — «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 66. См. также, например, о двух типах предикаций — независимой и зависимой: *М. И. Черемисина,* Указ. раб., стр. 20—30; *М. З. Закиев.* О некоторых признаках предикативности в конструкциях рассматриваемого типа. — В кн.: «Современный татарский литературный язык. Синтаксис», М., 1971, стр. 171.

уровне синтаксических отношений[18]. Рассмотрим предложение pis körgebes moγalaq täptepeskänni 'Мы видели, как медведь бежал' (*досл.*: 'Мы видели бег медведя'), в котором действительно две пропозиции[19], однако они объединены единым событием, и на синтаксическом уровне (в предложении) обозначают одну ситуацию. В данном случае выражается ситуация восприятия, предполагающая воспринимающий субъект (мы), воспринимаемый объект (бегущий медведь) и акт восприятия. Наличие же здесь двух предикаций можно установить только в случае расчленения данного предложения на два самостоятельных, где каждое из них обозначает отдельное событие: pis körgebes 'Мы видели' и moγalaq täptepeskän 'Медведь бежал'. Именно подобный способ — соположение простых предложений — характерен для чулымско-тюркского языка. Предложение же pis körgebes moγalaq täptepeskänni 'Мы видели медведя бег' обозначает одно событие, хотя и содержит две пропозиции.

Здесь сказывается тенденция языка — сохранять простые предложения, используя возможности агглютинативного строя[20].

Объединение простых предложений осуществлялось посредством трансформаций, основывающихся на закономерностях образования структуры тюркского предложения. Согласно этим закономерностям, структура тюркского предложения избегает наличия двух самостоятельных форм verbum finitum, что объясняется чрезвычайно богатой системой глагольных имен, присущей тюркским языкам.

Рассмотрим причастную конструкцию moγalaq täptepeskänni. Думается, ее нельзя считать придаточным предложением, поскольку в ней отсутствует основа предикативности (выражение отношения между предметом и приписываемым ему признаком). Позицию объекта в структурной схеме предложения заполняет причастная форма в винительном падеже, и это, на наш взгляд, убедительное доказательство того, что обозначаемое данной формой явление действительности включается в класс предметных понятий. Вряд ли правомерно говорить о склонении предложений, предикативном склонении, как это иногда делается в литературе[21]. Рассматривая специфику причастий, употребленных с падежными аффиксами, Е. И. Убрятова справедливо отмечает: «Падежные формы причастий в безличном и лично-притяжательном склонении резко отличаются от падежных форм имен существительных»[22]. Это различие обусловлено тем, что существительные, называющие предмет, указывают на его предметно-пространственные отношения, в то время как причастия, являющиеся эквивалентом предложения, обозначают события (ситуации, положение дел). «Область семантики, расположенная в плоскости предметно-пространственных отношений, — пишет Н. Д. Арутюнова, — противостоит пропозитивной семантической сфере,

---

[18] Ср. замечание А. М. Щербака: «Многие предложения с оборотами и развернутыми сочетаниями с точки зрения содержания являются сложными, однако в плане выражения они простые» (см. *А. М. Щербак.* Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 2—19).

[19] Под пропозицией обычно понимается вневременной набор отношений между объектами, лежащий в основе описываемого факта. Различный подход к понятию пропозиции см.: *Н. Д. Арутюнова.* Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 21—38. Автор имеет в виду два факта, основу которых составляет отношение атрибута (в широком смысле) к предмету.

[20] *Б. А. Серебренников.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965, стр. 16.

[21] *М. И. Черемисина.* Указ. раб., стр. 39 (со ссылкой на Е. И. Убрятову).

[22] *Е. И. Убрятова.* Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение, кн. 1. Новосибирск, 1976, стр. 135.

организуемой осью времени»[23]. Будучи снабженным падежным аффиксом, причастие переходит в класс имен с пропозитивным значением (восходящим к семантике предложения)[24]. Речь, следовательно, идет об имени с семантикой предложения.

Форма moγalaq, выраженная существительным в основном падеже, наводит исследователей на мысль, что это самостоятельное подлежащее, между тем элементы moγalaq и täptepeskänni характеризуются отношениями определяющего и определяемого, что подтверждается возможностью трансформаций данного предложения: pis moγalaqtyng täptepeskänni körgebes (*досл.* 'Мы медведя «бежание» видели'), где форма родительного падежа moγalaqtyng говорит о функции определения. Использование форм в основном падеже в роли определения — явление, как известно, весьма распространенное в тюркских языках.

Причастная конструкция с именем (традиционно рассматриваемым как подлежащее) в роли определения обозначает некоторый фрагмент действительности, некое событие, протекающее во времени (поскольку причастие выражает динамический или процессуальный признак предмета)[25]. И поэтому причастный оборот выглядит как свернутая пропозиция. Это дает основание видеть в причастных конструкциях придаточные предложения. Правда, Э. А. Грунина, стремясь более осторожно подойти к решению вопроса, говорит о необходимости различать в подобных случаях придаточные предложения и атрибутивные словосочетания.[26] Для сравнения ею приводятся две причастные конструкции в узбекском языке: *Булар орасида Ризо севган Мехрибон бор эди* 'Среди них была Мехрибон, которую любил Ризо' и *Рассомлик унинг севган машғулотидир* 'Живопись — его любимое занятие (занятие, которое он любит)'.

Причастную конструкцию во втором предложении Э. А. Грунина относит к атрибутивным словосочетаниям, а в первом — (*Ризо севган*) — к придаточным предложениям, по двум причинам: 1) сочетание *Ризо севган* может быть изъято без нарушения структурной и смысловой целостности предложения; 2) нарушен порядок в законе следования «определение — определяемое». Поскольку в конструкции наблюдается иная последовательность, то здесь выступает, согласно Э. А. Груниной, предикативное сочетание. Необходимо заметить, что сочетание *Ризо севган* действительно можно вычленить, но функционировать как предикативная единица оно не сможет, так как теснейшим образом связано с определяемым словом *Мехрибон*, причем отношения между ними достаточно сложные. С одной стороны, признак, выраженный причастной формой, приписывается понятию, выраженному существительным *Ризо*, а это позволяет констатировать наличие отдельной пропозиции (но не предложения). С другой стороны, этот признак непосредственно связан с предметным понятием, выраженным существительным *Мехрибон*, и соотносится с ним, ограничивая предметное понятие.

Эти сложные отношения между предметами и признаковым понятием представлены, однако, как единая ситуация с семантическими актантами субъекта и объекта. На поверхностном уровне причастная форма позволяет представить некий фрагмент действительности в виде

---

[23] *Н. Д. Арутюнова.* Указ. раб., стр. 78.

[24] *Там же*, стр. 70.

[25] *Н. А. Баскаков.* О классификации причастий в турецком языке. — «Вопросы языкознания», 1959, № 5.

[26] *Э. А. Грунина.* Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., 1961, ч. IV, стр. 140—141.

одной целостной ситуации, хотя в содержании высказывания можно выделить две пропозиции, то есть данное содержание представить как две ситуации, обозначенные двумя предложениями: «Была Мехрибон» и «Ризо любил». Однако данная причастная конструкция *(Ризо севган)* служит для обозначения атрибута одного из предикатных предметов и, следовательно, причастная конструкция используется для того, чтобы избежать двух предложений.

Именно потому, что причастная конструкция выступает в роли атрибута, а не в роли актанта (предикатного предмета), причастия в подобных конструкциях не склоняются. (Ср. чул.-тюрк. olar pis üč kün iste:n moγalaqty atqan 'Они застрелили медведя, которого мы выслеживали три дня'; palä:zy čurtyq äp... 'дом, в котором будет жить сын...').

Употребление субъекта при действии, выраженном причастием, связано, по-видимому, с выражением (точнее невыраженностью) залоговых отношений[27].

С. Н. Иванов отмечает, что форма на *-gan* может выступать в качестве определения, не принимая никаких специальных залоговых показателей, и что в большей части образующихся при этом определительных словосочетаний значение залога в данной форме вообще не может быть установлено[28]. Поскольку в причастной форме в конструкциях рассматриваемого типа залоговые отношения не выражены, то для того, чтобы обозначить воздействие на предмет (выступающий в функции определяемого) вводится со стороны субъект действия, выраженный причастием. (Ср. приведенные выше примеры: узб. *Ризо севган Мехрибон;* чул.-тюрк. palä:zy čurtik äp, üč kün iste:n moγalaq).

Предложения, содержащие причастные конструкции, выступающие в функции обстоятельства с различного рода временными значениями, соотносятся с двумя пропозициями, обозначая два события, связанные временными отношениями. На синтаксическом уровне признак, приписываемый предмету, выражен именем (глагольным), причем в причастных конструкциях причастие принимает падежные аффиксы. Это ясно и четко указывает на то, что хотя причастия и являются формой глагола, однако они представляют обозначаемое явление не как событие, а как предметное понятие, охарактеризованное временем, выступая как событийные имена. Это обусловливает слияние двух пропозиций в одно предложение, что позволяет говорить о явлении синтаксической компрессии. Например, предложение olar kälgändä pis čonaq yshabys 'Когда они пришли, мы рассказывали сказки' более точно обозначает: 'При их приходе (прихождении) мы сказки рассказывали'. Слово «приход» («прихождение») не обозначает предмета, но оформляет выраженное понятие как предметное, как разряд событийных имен, в котором событие обозначается нерасчлененно; поэтому и нельзя обнаружить в причастной конструкции предикативные отношения. Так называемые самостоятельные подлежащие в причастных конструкциях по существу не являются подлежащими. К мысли о том, что субъект действия, выраженного причастием, является подлежащим, приводит исследователей форма существительного (основной падеж) или местоимения (именительный па-

---

[27] Вопрос о категории залога формы на *-gan* подробно рассмотрен С. Н. Ивановым, см.: *С. Н. Иванов.* Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные) Л., 1959.

[28] *С. Н. Иванов.* Указ. раб., стр. 65. Другую точку зрения высказывает Э. А. Грунина, см. *Э. А. Грунина.* Указ. раб., стр. 145—146.

деж). Здесь явно сказывается влияние европейской грамматики. В тюркских же причастных конструкциях формы в основном падеже (или именительном) выступают в качестве определений к имени предмета, выраженного причастной формой.

Как было показано выше, *moγalaq täptepeckänni* трансформируется в *moγalaqtyng täptepeckänni*, *olar satašhanny>olarnyng satašhanny*, *oγlannar äptä polγanga>oγlannarnyng äptä polγanγa*, *olga syqtaptarγan ücün>olganyng syqtaptarγannyng ücün*.

Следовательно, в причастных конструкциях между именем существительным в основном падеже (или местоимением в именительном падеже) и причастием существуют отношения определения и определяемого. Хотя указанные трансформации и вполне возможны, в языковой норме закреплены формы существительных в основном и местоимений в именительном падежах. Такое положение обусловлено историческим развитием тюркских языков, в которых на раннем этапе для обозначения атрибутивных отношений использовался безаффиксный способ примыкания двух имен.

Примыкание первого существительного в атрибутивных сочетаниях сохранилось и в современных тюркских языках в изафетах I и II.

В современных тюркских языках изафет широко используется как способ связи слов в предложении при сочетании определения и определяемого. В якутском языке он является также средством выражения подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении. Ср. *Мин суруйбут кипим* 'Мой написавший человек — человек, которому (про которого) я написал'. В кумыкском языке вообще трудно провести смысловое разграничение между изафетами I и II. Для кумыкского языка изафет I наиболее типичен. Имеются факты, свидетельствующие о том, что второй тип изафета выступает в значениях, более свойственных первому типу[29]. Однако эти случаи отражают своеобразие употребления изафета лишь в отдельных тюркских языках. В общетюркском масштабе в процессе конкуренции трех типов изафета победу одержизает первый как наиболее удобный для выражения отношений между словами с помощью одних синтаксических средств.

Что касается падежных форм, то в некоторых тюркских языках они, возможно, являются факультативными грамматическими средствами экспликации связей[30].

Кроме имени в форме основного падежа, субъект действия в причастных конструкциях обозначается иногда именем в форме родительного падежа; например, чул.-тюрк. a:nyng kilgenen, ol pilibil 'Он знает, что он придет (Он знает о его приходе)'. Все сказанное выше свидетельствует о том, что имя существительное или местоимение в причастных конструкциях не являются подлежащими, хотя обозначаемые ими предметы на семантическом уровне могут быть субъектом действия.

Что касается конструкции на *-ganča*, то в ней субъект действия выражен местоимением в именительном падеже или существительным в основном падеже в силу норм, обусловленных развитием языка. Хотя

---

[29] Подробнее об этом см.: *Н. З. Гаджиева*. Указ. раб., стр. 108—118.

[30] *В. Г. Гузев, Д. М. Насилов*. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 30; *В. Г. Гузев*. О функциональных особенностях родительного и винительного падежей в староанатолийско-тюркском языке. — «Востоковедение. 5. Ученые записки ЛГУ», № 383. Серия востоковедческих наук, вып. 18, стр. 8—12; *Р. М. Бирюкович*. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981, стр. 118.

эта конструкция в чулымско-тюркском языке не поддается преобразованию в атрибутивную, данные других языков свидетельствуют о том, что само причастие в некоторых тюркских языках принимает аффиксы принадлежности. Например,[31] *хак... пеер читкенімна, угрем соол парча* 'Пока я сюда добираюсь, суп успевает остыть', казах. *Мен телефонга жаткенімше, шылдырлаганы басылды* 'Пока я подходила к телефону, звонки прекратились' (точнее: 'Звонки прекратились во время моего подхода к телефону'). Таким образом, налицо простые предложения с синтаксической компрессией, выражающие временную соотнесенность двух событий.

В конструкции с формирующим членом на *-gulaq* для выражения субъекта действия наравне с существительными в основном падеже и местоимением в именительном падеже употребляется и местоимение в родительном падеже, что является доказательством определительных, а не предикативных отношений между элементами причастной конструкции; к тому же следует учесть, что причастие принимает падежные аффиксы (аффиксы местного падежа), демонстрируя тем самым принадлежность к классу имен; например: se:ng kälgelektä mäŋ a:ny pilge:m 'Когда ты еще не пришел, я (уже) знал об этом' (*досл.* 'При твоем еще «неприходе» я уже знал об этом').

Мы не касаемся здесь деепричастных и масдарных конструкций, с относящимися к ним именами, обозначающими субъект действия, отличный от такового, выраженного глаголом-сказуемым, так как в чулымско-тюркском языке, как было указано выше, деепричастные конструкции подобного рода практически не встречаются.

При этом следует иметь в виду факт отсутствия в деепричастиях категории времени. Деепричастная конструкция, обладая пропозитивным значением, характеризуется осью времени, проходящей через другое действие, выраженное глаголом-сказуемым, однако эту конструкцию нельзя отнести к придаточному предложению, поскольку деепричастие, как часть речи, лишенная категории времени, не может стать элементом предикативной конструкции, обозначающей событие.

Итак, древнее состояние тюркских языков, характеризовавшееся господством простого предложения, сохранилось и в современных тюркских языках. Ярким примером этого может служить синтаксис чулымско-тюркского языка, в котором преобладают простые предложения, а синтаксические отношения сочинения и подчинения осуществляются способом примыкания. Примыкание как основной прием пронизывает всю синтаксическую структуру тюркских языков, передавая самые разнообразные нюансы сочинительных и подчинительных отношений на уровне всех синтаксических единиц — от словосочетания до сложного целого. Таким образом, примыкание как основной прием выражения синтаксических отношений является универсалией, характеризующей синтаксическую структуру языков различной типологии. Это не только тюркские, но и, например, индоевропейские языки[32]. Однако, при универсальности самого приема, его удельный вес различен. В тюркских языках способ примыкания объясняет системно связанные синтаксические явления. Отсутствие литературного языка и обусловленное этим господство разговорного стиля речи явилось причиной преобладания в чулымско-тюркском языке способа примыкания, корнями уходящего в глубокую древность. Этим объясняется сохранение в чулымско-тюрк-

[31] Примеры даются по работе М. И. Черемисиной, см. *М. И. Черемисина.* Указ. раб., стр. 56.

[32] См.: *А. Мейе.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 363, 377 и др.; *В. М. Жирмунский.* Развитие строя немецкого языка. М.—Л., 1936, стр. 66—67.

ском языке древних особенностей синтаксического строя тюркских языков.

Механизм же функционирования древнейшего способа обозначения синтаксических связей — примыкания — вскрывается на уровне сверхфразового единства и целого текста и может быть понят с позиций грамматики текста.

В каждом языке, однако, существует известная тенденция к грамматическому совершенствованию — созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей. Проявлением этой тенденции и явился в тюркских языках способ так называемой трансформации, то есть известного преобразования одного предложения в целях выражения его подчинительного отношения к другому. При стягивании двух предложений в одно появляется необходимость логико-грамматической соотнесенности двух действий. Для обозначения одного из событий используется чрезвычайно широко развитая в тюркских языках система глагольных имен, обладающих событийной семантикой в силу присущего им значения процессуальности. В этом значении заключена возможность выражения его отдельной пропозицией. Однако на синтаксическом уровне признаковое понятие представляется как событийное имя, что и создает синтаксическую компрессию (конструкции с неличными формами), необходимую для организации целостного текста.